

Еще осенью 2008 г. по предложению профессора Л.А. Гуцаленко мы открыли эту рубрику в нашем журнале. Первой опубликовали небольшую главу из его фундаментальной монографии «Человек – мера добра и зла», которая к настоящему времени выдержала уже четыре издания (в том числе – в США на русском и английском языках) и победно шествует по всему миру. Мы предполагали помещать (и будем это делать и далее) в ней разделы из новых монографий, учебников, которые готовятся к печати. Может быть, кому-то из читателей покажется не очень правильным включать в эту рубрику в научно-теоретическом журнале и художественные произведения. Однако мы идем на этот опасный эксперимент исключительно по просьбе наших постоянных авторов и многочисленных читателей. Человеку талантливому, а большинство наших авторов именно таковыми и являются, хочется попробовать себя в разных жанрах. Да и профессионального социолога, как правило, отличает острая наблюдательность вплоть до мелочей, при этом умение выделить главное, глубокое знание реалий жизни. Он должен разбираться в людях и не бояться сложных, зачастую конфликтных ситуаций (чего в жизни не бывает!). И конечно, быть человеком честным, уметь говорить правду. Социологу, как правило, ничто человеческое не чуждо. Во всяком случае, именно читателю судить, что читать в первую очередь – художественное реалистичное полотно о коллизиях реальной жизни, написанное талантливым социологом, или его же глубокую, строго научную статью на заданную тему. Здесь уж точно – дело вкуса. А для нас важно передать правду жизни, что собственно и является сутью социологии.

Сегодня на суд читателей мы выносим несколько главок первого тома романа Алисы Селезневой «Час абсента». Роман получился социологическим. И это вполне закономерно, потому что многие знают, кто прячется за этим псевдонимом, и искренне поддерживают писательские устремления автора. Я думаю, не стоит выискивать в героях романа сходства с реальными персонажами, а описанные ситуации – сравнивать с имевшими место в нашей действительности. Некое сходство, безусловно, возможно, все равно лучше жизни, в которую мы ежедневно погружены, ничего не придумав. Однако талант и воображение автора столь впечатляющи, что частное в ее интерпретации превращается в общее, характерное для нашего времени, эпохи, в которой мы живем. Не будем больше интриговать нашего читателя, а лишь сообщим: чтобы прочитать весь роман, ждать осталось недолго – до конца года книга будет на прилавках книжных магазинов. В свою очередь пожелаем автору новых творческих успехов.

А.Н. Данилов,
главный редактор

АЛИСА СЕЛЕЗНЕВА

ЧАС АБСЕНТА

Часть 1. Эйфория

ВАЛЕРИЯ

Валерия неслась навстречу перестройке со скоростью, подобной той, которую развивает черт, шараясь от ладана. Понимание того, что уподобляться надо было не столько скорости, сколько направлению движения, не навстречу, а прочь от надвигающейся катастрофы, пришло много позже. Понадобилось целых десять лет, чтобы это осознали практически все в этой огромной стране с ее бесконечными революциями и бестолковыми политиками, разрушающими до основания все то, что успели создать их чуть более толковые предшественники.

Но тогда, в самом начале 90-х, все выглядело на удивление радужно. Как говорил очередной революционный вождь, – «процесс пошел!» И в этом разворачивающемся процессе исторической драмы были свои очень привлекательные моменты. Один из них – крушение железного занавеса!

Что означал для рядового советского человека выезд за рубеж, поймет только очевидец. Это как глоток свежего воздуха, надышаться невозможно, времени и средств не хватит, но зато попробовал! И теперь знаешь что-то та-

кое, чего большинству недоступно. Типа того, что все вокруг без штанов ходят, свято веря в светлое будущее, а ты один приобрел штаны, да еще какие! И не знаешь, во что верить. Это придает тебе особую значимость, окружает твою персону ореолом почти божественного избранника и явно возвышает над толпой.

И вдруг все рушится! Круг избранников резко увеличивается! Ты лишаешься, быть может, единственной привилегии в своей жизни. Окружающим и тебе самому совершенно ясно, что твое многолетнее «надувание щек» не имело под собой солидных оснований. Что приобрел ты эти штаны ценой невероятных усилий и постоянной экономии средств, отказывая себе практически во всем. И все твои прошлые привилегии, которыми ты искренне гордился, обнажаются как трагикомический фарс!

Вот на этой оптимистичной волне расширяющейся доступности заграничных мандировок произошла эта символическая встреча двух женщин, достигших того возрастного рубежа, о котором оптимистично говорят – «жизнь только начинается!». Символическая в силу того, что осталась в памяти у обеих как черта, разделившая прошлое и будущее в их судьбе.

Влетев в главный корпус родного универа, Валерия столкнулась лицом к лицу с Ольгой Вороновой, отъезжающей в ближайшее время в США.

– Привет, подружка! Говорят, за кардон собираешься? Надолго?

– Не знаю, как получится! Посмотрим.

– А муж, дочка?

– Нет, с мужем развожусь, а дочка со мной.

– Чего так? Не хочет? У вас же, вроде, любовь?

– Не любит он Штаты, не может согласиться и простить.

– Простить чего? Лидерства женского? Что инициатор баба, а не он? Узнаю наших мужиков!

– И этого тоже.

Ольга явно уходила от ответа, оставляя «за кадром» самое интересное и многое разъясняющее. Как будто сознательно интриговала. Только сейчас Валерия обратила внимание на то, что крупная телосложением Ольга трансформировалась в очень изящную (прямо французский формат!) женщину. В свои далеко за 30, в короткой юбке с фиксированной жестким корсажем тонкой талией с претензией на дорогостоящий заграничный прикид, она выглядела лет на 20.

«Нет, что-то здесь не то, – подумала Лерка, – уж не любовник ли стал поводом разрыва с мужем? Темнит Ольга! Глаза блестят! Явно не опечалены предстоящим разводом. И мысли все где-то далеко-далеко! Ах, “Америка-разлучница”», – вспомнила она. Но продолжать тему не стала. Все равно окажется явным все то, что сегодня выглядит потаенным. Даже Америка не спасет! Эту истину Лерка усвоила еще в детстве из рассказов Драгунского. Потому никогда не делала тайн, особенно из того, что и так давно всем известно.

– Анюта уже школу заканчивает? Не боится перемен? Ведь сложно, наверно, язык, друзья, планы?

– Да, вот из-за нее и решаюсь. Там иные перспективы, возможности, сама понимаешь. Устрою дочку, а потом, может быть, и вернусь назад.

Ольга произнесла это так неуверенно, что Лерка сразу поняла главное – **«не вернется никогда!»**.

Пряительницы постояли еще несколько минут и, обменявшись взаимными комплиментами, разбежались в разные стороны. Впрочем, стороны были не столь уж разными. Лерка тоже открывала новую страницу в жизни. Она собиралась на стажировку на Запад. Правда, ее Запад в облике Польши в сравнении с США выглядел так бледно (курица не птица, Польша не заграница), что говорить об этом Лерка не хотела.

Приглашение на стажировку в Польшу пришло в университет в августе 1991. С учетом социальных инноваций в стране вопрос о кандидатурах решался недолго, без привычных парткомов, профкомов и силовых структур. Решение вопроса отдали на откуп ведущему в республике профессору социологии Петру Георгиевичу Доброву. И надо отдать должное советскому профессору, он решил проблему оперативно и по существу грамотно.

– Посылать надо того, за кого не стыдно. Вон Валерия Волошина, и социолог грамотный, с опытом, и с английским в ладах, и внешне женщина во всех ракурсах привлекательная. Что б за Державу, так сказать, обидно не было! Чтобы было, что показать!

Когда Лерке передали в лицах этот разговор Доброва с ректором университета, она не удивилась. Петр Георгиевич был ее педагогом и научным руководителем при написании кандидатской и, надо честно признать, всегда отличался выраженным свободомыслием. Не случайно именно с его именем был связан факт возрождения социологии в республике – самой «буржуазной» из гуманитарного цикла наук с точки зрения советской идеологии. Он же отметил Леркин потенциал еще в студенческой аудитории, предложил писать у него кандидатскую, сделал все возможное, чтобы оставить ее при кафедре, которую возглавлял.

Лерка помнила, каким нелегким был разговор с Добровым по поводу вынужденного переноса на год сроков ее поступления в аспирантуру. Тормозом стала как раз Ольга Воронова, вдруг возникшая на горизонте и заявившая о своем намерении поступать в аспирантуру.

– Понимаешь, Валерия, – сказал тогда Добров, – ну, не все, к сожалению, зависит от меня. Скажу прямо, – у нее отец – секретарь ЦК! А место у нас одно. Ну, как тут откажешь? На следующий год – место твое, гарантирую. А пока поработай, попрактикуйся. Наберешь эмпирического материала. Ну, куда тебе торопиться, молодая ведь? Годом раньше или позже? Это ведь ничего не решает?

В реальности это действительно ничего не решало для Лерки.

С одной стороны, она не чувствовала сильной мотивации к тому, чтобы посвятить свою жизнь науке. Ученый мир казался ей очень скучным. И в университете она осталась лишь потому, что не было выбора. Ну, не на завод же социологом? С другой – хорошо понимала власть партийного авторитета и где-то даже сочувствовала Доброву, загнанному в тупиковую ситуацию, исключаящую саму возможность честного альтернативного отбора кандидата в аспирантуру.

Наконец, соперница в лице Ольги Вороновой ничего, кроме искренних симпатий, у Лерки не вызывала. Конечно, глубоко в душе она всегда сопротивлялась всякого рода протекциям, связям, блату. По жизни шла честно, как учили родители, под лозунгом «Я сама!». Но в ситуации с Ольгой Вороновой – это был тот редчайший случай, когда протекция носила вполне извинительный характер. Ольга была личностью активной, мотивированной и талантливой. И этим все оправдывалось, по крайней мере, в глазах Валерии. «Таланту надо помогать, любила она повторять, дерьмо само всплывет!»

Этот эпизод с аспирантурой освежился в памяти Лерки сегодня не случайно.

Ей показалось, что своим напором в отстаивании именно ее кандидатуры на поездку за рубеж Добров как бы брал реванш за вынужденный в далеком прошлом отказ в аспирантуре. И хотя разрешилась та проблема вполне успешно для обеих конкуренток, защитивших кандидатскую практически одновременно, порядочность Доброва не позволяла стереть в памяти чувство вины перед Леркой за несправедливость принятого когда-то им решения. Вечером Добров позвонил сам.

– Валерия!!! – Он всегда произносил ее полное имя, причем с подчеркнутым пафосом и следующей за этим артистической паузой. Это придавало какую-то особую значительность и обоим абонентам и самой сути разговора. – Приветствую тебя, Добров! Ну, что? Готова к бою? Едем на Запад представлять советскую социологическую школу! Очень на тебя рассчитываю!

– Спасибо, Петр Георгиевич! Знаю, знаю, как отстаивали меня. Очень приятно.

– Уже донесли? Вот дадут! Ведь разговор был тет-а-тет с ректором? Добров хмыкнул.

– Хотя понятно, пока приказ издадут, десятки глаз прочтут. Дело ведь необычное. Когда-то нас вот так напрямую Запад приглашает принять участие в международной школе социологов? Да еще позволяют самим решать, кто поедет! Времена какие пришли!

– А почему к бою, Петр Георгиевич? Что, кто-то наступать собирается?

– Не знаю, как наступать, но организаторы – люди солидные. Я их знаю лично. Руководитель с немецкой стороны – известный культуролог из Западной Германии профессор Рихард Таубер, с польской – не менее известная Антонина Ясинска. Будут представители из США, Канады и других капстран. Так что есть шанс выйти на мировой уровень. Давай, готовь текст на английском, страниц 5–6. Будешь презентировать отечественную социологическую школу. Английский не забыла?

– Не знаю, уверенности нет. Когда-то была лучшей ученицей! Но то когда было! Практики, сами знаете, никакой. Столько лет не востребовался! Если бы знать, что такой поворот в судьбе наметится! Надо попробовать! Там увидим. Главное в бой ввязаться. Надо же когда-то начинать.

– Давай, вспоминай! Назад дороги нет! У меня рабочих два – польский и немецкий. Русский там точно не пройдет! Предупредили! Так что готовься! Есть еще неделя. Встречаемся у поезда. Кстати, тебя ожидает сюрприз.

Оставшуюся неделю до отъезда Лерка провела в бешеном ритме. Мало того, что нужно было подготовить текст для выступления и освежить в памяти словарный запас английского. Масса времени была потрачена на беготню по магазинам в поисках приличного прикида. С учетом повсеместного потребительского дефицита в стране проблема эта встала перед Леркой со всей своей тошнотворной бесперспективностью. Легче было заново выучить английский за неделю, чем найти что-то приличное на задницу.

Позже именно обстоятельствами потребительского дефицита Валерия объясняла факт гипертрофированного отношения советских людей к форме (одежде, внешнему виду). Столько времени тратить на ерунду! Поневоле станешь ценить и возводить в абсолют жизненных ценностей. А иначе она не могла. В этом постоянном стремлении к гармонии внутреннего содержания и внешнего блеска был алгоритм ее успеха! Тем более там, за рубежом. Пусть знают наших!

ОЛЬГА

Уверенности в том, что она счастлива в своем решении сменить вид наительство, у Ольги не было. Перелетая водное пространство между двумя континентами – Европой и Америкой, она скорее ощущала щемящее сердце чувство вины перед родителями, которых, по существу, бросала, и неопределенности перед будущим. Рядом сидел Олег. И только это придавало ей уверенность. Хотя и здесь все было крайне ненадежно. В Москве у Олега осталась жена, развестись с которой он так и не успел. «А может, просто не хотел?» – мучил Ольгу вопрос. Вот она же успела расставить все точки над «и» в отношениях с мужем, официально оформив развод. Ольга гнала эти навязчивые мысли, вспоминая минуты близости с Олегом и его жаркие, такие мужские, с хрипотцой в голосе, как у лишившегося в одночасье разума, откровения:

– Боже, я никого так не любил! Я даже не предполагал, что такое может быть. И что женщины такие бывают!

– Какие такие? – улыбалась Ольга.

– Такие, как ты. Знаешь, я даже жене признался в том, что встретил женщину, каких не бывает! И устоять перед которой невозможно. Красивая, стильная, умная, доктор наук, на английском говорит, читает Канта, Гегеля, была в Париже... Одним словом, – роковой вариант!

– Ну, да – «куда мне до нее, она была в Париже». Ты уверен, что тебе нужен именно роковой вариант?

– Абсолютно! Это, между прочим, меня оправдывает в глазах всего человечества!

Если бы не этот вдруг так неожиданно вспыхнувший роман! Роман, поработивший ее целиком, парализовавший, кажется, все, что у нее до встречи с Олегом было в норме: мозги, память, нервы, эмоции, тело. Все это теперь было во власти одного человека. Если бы не эта случайная встреча в аэропорту с лет-

чиком первого класса Олегом Лопатыным, то, возможно, ничего в ее жизни не изменилось бы.

Позади практически половина жизни. Надо признать, вполне благополучной жизни при социализме. Ольга была единственной дочерью своих родителей, принадлежала к элите советского общества и по статусу занимаемых родителями должностей, и по уровню материального благосостояния семьи, и по тому положению, которого добилась своей активностью, защитив кандидатскую и докторскую диссертации и заняв прочную позицию в верхних эшелонах научно-творческой интеллигенции страны.

И вот сейчас все это летело под откос! Ольга начинала новую жизнь. Ее решение оценивали по-разному. Одним оно казалось достаточно драматичным, другим, напротив, – комичным. Бросить все как раз в тот момент, когда нормальный человек начинает «плоды собирать». Все решено, социальные позиции завоеваны, личные планы реализованы, рядом любящий муж, взрослая дочь, заканчивающая школу. Что еще человеку надо? Кому сказать, не поверят – любви!

В этом она признавалась только себе. Как часто перед сном, закрывая глаза, она проигрывала про себя этот монолог:

– Господи! Сжался надо мной! Я столько лет пахала, что почти согласилась с неизбежностью сублимации всех своих первородных инстинктов и женского начала на самые верхние этажи интеллектуальных эссенций. Но это не так, господи!

Я люблю! Я живая! Я хочу, чтобы меня любили! Все, чего я достигла, не сделало меня счастливой! Я полна решимости послать все к черту и начать сначала, с пустого листа, чтобы просто любить и быть любимой. Господи, пойми меня. Помоги мне! Прости меня, господи! Так бывает! Не у всех. Но у меня случилось, к счастью.

Ольга произносила этот монолог про себя, как бы обнажая перед самой собой потаенные островки собственной души. В слух же она всегда артикулировала то традиционно банальное, что могло найти понимание у окружения. О перспективах интересной работы в одном из престижных университетов США, о возможности заработать на безбедную старость, о судьбе дочери и расширении ее жизненных перспектив и многое другое, о чем сама имела очень смутные представления. И что было частично правдой, но не главной.

Даже Лерке она не решилась открыть истинные мотивы своего решения. Хотя душой понимала, что именно Валерия способна понять ее как никто другой.

Лерка обладала удивительным качеством – всегда оставалась женщиной. Яркая, привлекающая к себе внимание, особенно мужское, Валерия, несмотря на свою занятость, успешность научной карьеры и заботу о семье, всегда была выразительна своим женским началом. С появлением Лерки в любой аудитории ощущался запах женщины, что приводило в волнение всех присутствующих. Ольга с удовольствием вспоминала эпизоды, когда с приходом Валерии на кафедру мужчины вскакивали. Не потому, что были хорошо воспитаны и стремились не выходить за рамки этикета. Как объяснил один из них: **«При ней сидеть как-то неудобно, надо что-то делать, такая энергетика у дамы, что просто стыдно сидеть, ничего не делая!»**

И вот теперь, когда Ольга чувствовала над собой торжество своей женской природы, именно Лерка должна была ее понять как никто. Почему же не сказала о главном тогда, при их последней встрече в универе? Потому что правда о причинах такого радикального поворота в жизни Ольги наносила сокрушительный удар по престижу легенды о том, что ее заметили, оценили, пригласили на работу, причем не куда-нибудь, а в США. Потому что амбициозность научного мира – это то болезненное состояние души, которым пропитаны все уровни формальных и неформальных связей, в том числе и дружеских. Амбициозность научного мира – фактор компенсационный, в особенности в гуманитаристике. Чем меньше науки, тем больше амбиций. И хотя Ольга принадлежала к числу наиболее талантливых молодых ученых и правильно расставляла акценты между истинными и ложными ценностями, нарушить устоявшиеся правила игры не решилась.

НАТАЛЬЯ

Уже на перроне при подходе к поезду «Минск – Варшава» Лерка поняла, о каком сюрпризе говорил Добров. Рядом с ним у вагона стояла студентка факультета Наталья Бельская.

– **Что, удивлена? Вы знакомы?** – обнимая Валерию, поинтересовался Добров.

– **Мы не знакомы, но слышали друг о друге достаточно. Правда, Наташа?**

– **Да, Валерия Михайловна, лично я о вас слышала многое. Вот, например, от Петра Георгиевича, что Вы самая талантливая из его учениц. Беспрецедентный в истории универа случай – за три года, отпущенных на аспирантуру, Вы успели не только защититься, но и диплом ВАКа получить. Профессор всегда Вас в пример приводит. А еще говорят... Разное о Вас говорят!**

– **Главное, Наталья, что говорят! Значит, мы чего-то стоим! Хуже, если не говорят! А ты вот, слышала, на английском, как на русском. Правда это?**

– **Еще бы! У меня мама английский преподает в Вильнюсе, в средней школе. Я, можно сказать, с пеленок только этим и занималась.**

– **Здорово, потренируешь по ходу движения!**

Валерия не имела отношения к преподаванию на родном факе, работала в исследовательской социологической лаборатории. Но о Наталье Бельской была наслышана. Преимущественно – о ее экзальтированности, граничащей, по мнению многих, с нахальством. Помнила, что родом она из Вильнюса. А вот поступать приехала в Беларусь. Впрочем, в последнем не было ничего особенного. Тогда в стенах родного факультета можно было встретить студентов из Узбекистана, Казахстана, Эстонии и других республик СССР.

Уже в купе Лерка попыталась перейти на английский. Наталья отреагировала с ходу, продемонстрировав широту своего словарного запаса и уверенность риторики. Чувствовалось, что девушка обладает не только знаниями, но и опытом общения. Лерка не любила проигрывать в сравнении с кем-либо, тем более со студенткой. Но вынуждена была признать, – это тот самый случай. Утешало лишь то, что теперь они выступают командой. И такое блестящее знание языка хотя бы одним ее членом – это уже дивиденды в общую капилку.

– **Понятно, почему ее взял Добров. Не уверен в моем английском. Рассчитывает на ее помощь, если что. Доклад я прочту хорошо, потренировалась, произношение неплохое. А вот активность в дискуссии не гарантирую, нет оперативности, думаю по-русски, потом подбираю английские слова, не всегда удачно. Ладно, черт с ним, “подумаем об этом завтра”, – как говорила любимая героиня Скарлет О’Хара.**

– **Ну, Наташа, что там в разном?**

– **В смысле?**

– **Ты на перроне сказала, что говорят разное. Поведай нам с Петром Георгиевичем. Может, что интересное о себе узнаем?**

– **А-а-а! Вы про это... Говорят, что Вы дочь генерала, например. Поэтому держитесь слишком высокомерно, смотрите на людей свысока. За это Вас многие не любят. А еще, что за глаза Вас называют «Леди Гамельтон». Вы любите ходить в экзотических перьях. А студенты, которые на практике у Вас были, напротив, говорят, что Вы «отличная тетка, своя в доску».** Наталья выложила все это без тени смущения фактически незнакомой взрослой женщине, да еще остепененной, лучшей ученице профессора Доброва! **«На такое не всякий студент отважится»**, – подумала Валерия. И тут же поймала себя на мысли, что ей это нравится. Из всех знакомых ей людей на такую «наглость» способна, пожалуй, только она сама.

– **Да ты че? Неужели? Ей Богу, не предполагала. Действительно, интересно. Петр Георгиевич, что молчите, Вы такое слышали?**

– **Относительно «Леди Гамельтон» я даже знаю, кто придумал! Один из наших самых авторитетных профессоров. Ни за что не догадаешь-**

ся! Так и сказал: «Она мне напоминает Леди Гамельтон, особенно в этой умопомрачительной кофточке с перьями и шляпе». Так что гордись! Не кто-нибудь, а Л Э Д и английская! Во как!

Шутили и смеялись от души еще долго. Однако ощущалось напряжение. По мере продвижения поезда к Варшаве оно росло. Впереди была волнующая неизвестность. Для каждого научные контакты в таком международном формате были в известной мере первым опытом. А потому хотелось расслабиться и просто поболтать, все равно о чем.

Поезд прибывает в Варшаву рано утром. Но пока добрались до Мадралина, что в 25 км от Варшавы, времени на раскачку и отдых практически не осталось.

– Наталья, в темпе, душ, передеваемся и туда. Кофе будем пить в перерыве.

– Дресс-код обязателен? Официоз? Или как?

– Давай что-нибудь деловое, но торжественное. Открытие все же! Чтобы у всех отвал башки был. Запомни, девочка, – главное оружие против врага – наше обаяние!

– Понял! Будет сделано! Сколько даете времени? Вы зайдете?

– Минут 20, не более, надо еще за Добровым заскочить, а он на другом этаже. Я обещала. Мы должны все вместе туда ввалиться. И так опоздали.

Когда через 20 минут Лерка выскочила из своего номера и увидела идущую ей навстречу девушку, она не сразу узнала в ней Наташу. Та с точностью реализовала то, что Лерка ей сказала несколько минут назад. Перед ней стояла элегантная до безобразия девица в деловом синем твидовом костюме с белоснежной батистовой блузкой, как будто только что сошедшая со страниц французского журнала «ELLE». С простенькой кудлатой девицей в поезде ничего общего! Волосы подобраны и сколоты на затылке модным скрабом, на ногах туфли с высокими каблучками, лицо выражает сосредоточенность, английская речь бьет ключом. Наташка включилась в процесс! Она играла роль и играла блестяще!

– Наталья, я просила организовать отвал башки, но не до такой же степени, девочка моя! Я сама тебя едва узнала.

– Я не могу Вас подвести! Я должна соответствовать! – четко определила Наталья основное кредо их дальнейших деловых отношений. И Валерия вновь подумала о том, как же это все ей нравится! Это настолько соответствовало ее личному восприятию процесса, в который они ввязались, что мелькнула мысль о родственности их духовного склада.

Добров, спускающийся с лестницы им навстречу, выглядел, надо признать, блестяще. Костюм, в тон рубашка и галстук, высокий, элегантный, уже немолодой, что придавало пикантности, особенно вкупе с молодыми эффектными женщинами. Они заворожено разглядывали друг друга, делая комплименты. Лерка про себя подумала: **«Какая молодец жена Доброва, все продумала до мелочей»**. Ей всегда казалось, что мужчина сам не в состоянии так все со вкусом подобрать. И когда кто-то из мужиков (редко, но встречались) соответствовал, так сказать, стандартам современного стиля, она всегда думала хорошо о его жене. И наоборот, именно плохой женой объясняла небрежность внешнего вида советской профессуры в том числе.

И в таком вот отличном настроении, довольные сами собой и каждым в отдельности, они в буквальном смысле влетели на авансцену относительно небольшого зала с круглым столом и цветами в центре, обратив на себя внимание всех присутствующих.

РИХАРД

Председательствовал немецкий профессор Рихард Таубер. Без какого-либо официоза, бросив на них взгляд из-под очков, совершенно радушно, как давний хороший знакомый, обратился к вошедшим на английском:

– А это, видимо, наши коллеги из Минска? Просим, заждались, разместитесь, пожалуйста. Мы как раз начали знакомиться.

Доброва пригласили занять место рядом с председательствующим, а Валерия и Наталья вынуждены были присесть на два свободных стула, расположенные на противоположных сторонах стола. Это было не совсем хорошо, либо лишало обеих возможности пошепаться, а Валерию к тому же – уточнить у На-

тали вероятные «проколы» в восприятии английского. И потому она напряглась, сконцентрировав свое внимание только на английской речи. Когда до нее дошла очередь представиться перед собравшейся публикой, она от волнения встала.

– *Вы можете продолжать сидеть*, – удивился Таубер.

– *Нет, я волнуюсь. Так легче сконцентрироваться*, – ответила на английском, но достаточно уверенно Валерия.

– *Волнуетесь? Почему?* – опять удивился Таубер.

– *Это первая в моей жизни попытка общения на английском, простите.*

– *Действительно?* – улыбнулся Таубер. *Никому не говорите об этом, и никто не поймет! Я не прав?* – обратился он к присутствующим. Публика оживилась. И Лерке вдруг стало очевидно, что для подавляющего большинства присутствующих английский чужой. Наверняка многие из них ощущают такой же дискомфорт, как и она, в своих потугах думать на одном языке, а излагать на другом.

– *ОК!* – уже более решительно продолжила Валерия. И почти скороговоркой отрапортовала на английском обязательные для каждого пункты своего представления. Сначала нужно было назвать свое имя и страну, далее место работы и занимаемую должность и, наконец, – научные интересы, разумеется, в социологии.

Вспоминая много позже это свое первое представление в международном формате, Валерия с грустью думала о том, что это был последний раз, когда она ассоциировалась с Великой Державой – СССР. Очень скоро СССР исчез как факт. И Лерка ощущала свою вину! Как будто между двумя этими событиями была какая-то магическая связь. Как будто что-то от нее зависело!

Основным докладчиком утренней части программы был Таубер. Смысл его выступления сводился к описанию научного проекта, которым он руководил на протяжении ряда лет и который имел простое и ясное название «Культурное наследие Европы». Как оказалось, подавляющая часть присутствующих в зале людей были участниками данного проекта и работали не один год вместе. Проект разворачивался в рамках феноменологической социологии, о которой отечественная социология имела очень смутное представление. Поэтому вопросы со стороны советских социологов, посыпавшиеся Тауберу после завершения доклада, никого не удивили.

Самую большую активность проявила Наталья. Представляя здесь студенческую аудиторию, она была лишена права выступления как докладчица. Зная это и стремясь обратить на себя внимание, она в буквальном смысле атаковала Таубера вопросами, при этом очень грамотно сопровождала его ответы отдельными уточнениями, комментариями, демонстрируя свою эрудицию. Валерия имела возможность опять оценить талантливость белорусской студентки. Было очевидно, что Наталья заблаговременно продумала стратегию поведения и реализовала ее блестяще, обратив на себя внимание окружающих.

Объявили перерыв. Взяв по чашке кофе, Валерия с Натальей уединились в дальнем углу с целью обменяться впечатлениями.

– *Ты молодец, по-моему, твоя активность очень понравилась Тауберу, он удивлен.*

– *Все спланировано, Валерия Михайловна. Я хочу уехать за рубеж продолжать образование. Иного пути, как обратить на себя внимание, у меня просто нет. Он величина в Германии, возможно, поможет получить грант?*

– *А в нашу аспирантуру не думала поступать? Что, на кафедре не предлагали?*

– *Да предлагали. Только, что потом? Даже если оставят при кафедре преподавать, все одно неинтересно, серо, скучно, бесперспективно. В Вильнюс тоже не хочется возвращаться. Слышали? Вон они уже во всю качественными методами занимаются. А наши даже не слышали о таких. Все долбят эти массовые опросы и линейку с процентами считают.*

Валерия не успела ничего ответить, так как в их сторону стремительно направлялся Таубер.

– **Валери!** – он произнес ее имя с акцентом на последней букве, как бы демонстрируя западное прочтение имени. – **Хочу заметить, прекрасные студенты в белорусском университете, поздравляю. У вас все такие талантливые, как Натали?**

– **Не все, к сожалению. Как и у Вас, видимо? Мы решили продемонстрировать западной школе лучших из лучших! Стараемся поддерживать таланты,** – решительно заявила Валерия, пытаясь спровоцировать немецкого профессора на участие в судьбе Натали, как он сам ее «окрестил».

Таубер никак не отреагировал на слова Валерии и, взяв ее под руку, отвел в сторону.

– **Хочу дать Вам совет, Валери. Никогда не извиняйтесь за свой английский. Я понимаю, конечно, славянская искренность подкупает. Это мило! Но Вы на Западе! Здесь не любят неуверенности. Если даже Вы говорите на английском впервые в жизни, Вы должны вести себя так, как будто говорите на нем с пеленок. Тем более, что Ваш английский вполне приличный. Я внимательно слушал и должен сказать, что Вы не сделали ни одной ошибки!**

– **Спасибо, профессор, я буду иметь в виду!** По-английски это звучало как «I'll take it in consideration», дословно – «Я возьму это во внимание» или «Учту!». Лерке импонировала необязательность этой английской фразы. Типа – «Я возьму на вооружение Ваш совет, но это совсем не значит, что буду строго ему следовать».

– **Ну, а как Вам наш проект?** – поменял тему Таубер. – **Я очень хочу, чтобы Вы в нем участвовали. Вам нравится, что мы делаем?**

– **Конечно, все это очень интересно, но... наша социология еще очень далека от качественных методик. Мы продолжаем работать в рамках позитивизма, где научный факт определяется количественным выражением. Это совсем другое, Вы же понимаете?**

– **Вот и отлично! Будем осваивать новые подходы! Завтра Ваше выступление. Я буду внимательно слушать, имейте в виду!**

– **О, профессор! Вы лишаете меня еще одной ночи после той, что была в поезде! Я уже начинаю волноваться и не смогу заснуть. Лучше бы Вы этого не говорили.** Валерия произнесла это нарочито кокетливо.

Таубер улыбался, было видно, что ему приятно «волновать» противоположный пол.

– **У нас здесь такая камерная обстановка, просто встретились друзья и говорят о деле, которым занимаются. Зачем Вы все время волнуетесь? Это плохо, Валери! Такая женщина, как Вы, не должна волноваться. Успокойтесь! Все будут смотреть на Вас, и никто не будет слушать!**

Валерия поняла двусмысленность данного комплимента. С одной стороны, он как бы делал реверанс ее внешнему виду. И ей как женщине это было приятно. Но с другой – предупреждал о возможном диссонансе формы и содержания. Если не по сути ее личности как таковой, то с точки зрения восприятия окружающих.

– **Вот теперь я точно знаю, что передо мной феноменолог! Изучайте НОВЫЙ ФЕНОМЕН? Пока видите форму и сомневаетесь в содержании? Слишком тривиальное прочтение, профессор. А что, если содержание окажется еще более выразительным?**

– **Увидим! Буду только рад! Должен сказать, что в любом случае Вы как феномен научного мира очень интересный случай!**

Валерия обожала умных задиристых мужиков. Интеллектуальная дуэль с противоположным полом вызывала у нее страстное желание доказать и победить. Это заводило ее эмоционально настолько сильно, что уже давно служило единственным поводом обратить внимание на оппонента как на мужчину. Но в случае с Таубером такой поворот событий оказался для нее неожиданным. Уже немолодой, авторитет в науке, аристократ в манерах, главный организатор дан-

ного мероприятия. **«Чего ему надо? – думала Лерка. – И как себя вести? Явно задирается!»** Параллельно она осознала актуализацию мотива достижения – то единственное, что стимулировало у нее интерес к делу и заставляло работать в полную меру сил. **«Завтра нам нужна победа!»** – решила про себя Валерия. Как оказалось, это был главный итог сегодняшнего дня.

ОЛЬГА

Первый год в Штатах был самым трудным и одновременно самым счастливым. Рядом были два дорогих ей человека – дочь и муж. Правда, брак этот не имел официальной основы, и отношения между ними тремя нельзя было назвать безупречными, но все же беспокойство и забота о близких людях отвлекали от мрачных мыслей, нет-нет да и накатывающих на Ольгу по поводу и без него. Когда вечером они возвращались в свою маленькую квартирку на Sunny Avenues 5, «снятую» по знакомству за небольшую по здешним меркам сумму, им было хорошо. Это был их и только их мир со свежими впечатлениями, каждодневными обсуждениями, спорами на русском вперемежку с английским, конкретными заботами, планами, надеждами и – любовью! Ночи вдвоем в тиши их спальни, где, боясь быть услышанными, они нашептывали друг другу нежные слова, казались еще более романтичными. Эти ночи физической и душевной близости с Олегом подпитывали ее энергией настолько, что с утра она вставала с четким намерением покорить Америку и сегодня же!

Остальной мир воспринимался как данность, не считаться с которой просто нельзя. Как, впрочем, и окружающему миру было абсолютно наплевать, что думает о нем Ольга, зачем она сюда приехала и что ищет в этом царстве изобилия и высоких стандартов бытия. Здесь вообще никого и ничто не интересовало, кроме личного благополучия. Толстый ты или тонкий, бедный или богатый, вышел в трусах на улицу или вообще без трусов – все это твое личное дело. Ольга поняла это быстро, но не сразу. Сначала, заметив толстую тетку в шортах с задницей на пятнадцать пивных кружек, да еще в центре города, Ольга не могла сдержать улыбку. **«У нас бы точно в сумасшедший дом отправили. А тут даже внимания не обращают».** Или типичное американское приветствие «How are you?» в переводе «Как дела?», оказалось, совсем не предполагает получение ответа. А Ольге на первых порах так искренне хотелось что-то ответить. Но спрашивающий ретировался раньше, чем она успевала открыть рот, оставив ее в недоумении: обижаться или не стоит?

Иногда, возвращаясь домой после попыток решения запланированных на день вопросов, ей так хотелось просто поболтать с кем-нибудь по-русски. Вот здесь, сейчас, прямо на улице, просто услышать русскую речь. Но и это было не просто. Русский не очень «жаловали», даже в среде здешних иммигрантов.

Однажды Ольга случайно обратила внимание на женщину средних лет в шляпке, гуляющую с маленькой собачкой по скверу. Дама кричала на английском, пытаясь урезонить отчаянно сопротивляющегося ее командам пса. Ольга каким-то внутренним чутьем угадала соотечественницу и обратилась к ней на русском. Дама даже для приличия не смогла завуалировать гнева, отразившегося на ее лице:

– Почему Вы обратились ко мне на русском? Я что, так похожа на русскую?

– Показалось, а почему Вас это так удивило? Вы же наша? – спросила Ольга робко.

– Боже мой, я уже десять лет здесь живу, на русском уже давно не говорю и все равно не избавилась от этого советского ярлыка. Если Вы сразу определили, – значит, есть во мне что-то такое, что не позволяет видеть во мне американку?

Ольга даже не нашлась, что ей ответить. Стыдясь за свой поступок, так расстроивший бедную даму, она извинилась и быстро ретировалась. А чуть позже поймала себя на мысли, что недавно в супермаркете на вопрос мужчины, уловившего ее акцент, откуда она, Ольга почему-то представилась полькой. Может быть, потому, что Польша – это последний известный американцам уголок цивилизации? Надежды на то, что они знают Беларусь, вообще никакой. Ответ

правду, придется еще битых полчаса объяснять географическую дислокацию белорусской территории либо определить ее четко, как бывшую окраину Российской империи?

Россию здесь, конечно, знали. И уважали как Монстра, много лет пытавшегося противостоять другому Монстру – США. И несмотря на очевидные потепления отношений между двумя империями, любому рядовому смертному совсем не хочется оказаться между жерновами этого извечного противостояния сильных мира сегодня. Тем более, если ты от одного Монстра только что вырвался, а к другому так и не пристал настолько основательно, чтобы не думать об этом вовсе. Лучше сформировать у окружающих убежденность в том, что ты принадлежишь к какой-нибудь маленькой, не претендующей на мировое господство стране, что намерения твои вполне дружелюбны. Ольга вынуждена была признаться хотя бы себе самой в том, что отождествление с полькой делает ее менее уязвимой. Опять же – более привлекательной, ибо придает некоторый шарм ее славянскому облику. Тем более что по маминной линии у них в родне, действительно, были поляки.

Так что, как ни крути, итогом почти сорокалетней социализации дочери секретаря ЦК стал факт, мягко выражаясь, нелицеприятный. От Родины пришлось дистанцироваться и физически, и, главным образом, – нравственно. Да разве можно было винить Ольгу в этом? По крайней мере, сегодня, когда СССР больше нет, когда Родину предали в первую очередь сами секретари обкомов, горкомов, ЦК? И разве можно гордиться страной, которую вот так волевым решением полутрезвого «партактива» можно запросто стереть с лица земли? Нет, после «Беловежского цирка» бравировать своей былой принадлежностью к СССР вообще как-то сродни заявке на умалишенную. У какого цивилизованного человека могут вызвать уважение все эти «шалости» советской партноменклатуры? От стыда забудешь о своем русском, белорусском, точнее – советском происхождении.

Поэтому, когда однажды случайно Ольга прочла в газете «Русская Америка» объявление одной соотечественницы из Минска, разыскивающей своих родственников в США, которые принадлежали к первой волне (начало прошлого века) иммиграции, то подумала с грустью:

– Никогда не найдет! Через газету нет никаких шансов. Прошло почти 100 лет, сейчас уже внуки тех дальних родственников взрослые люди. Это уже стопроцентные американцы. Наверняка гордятся этим фактом. Шансов, что они читают газету русской иммиграции, – никаких. Но еще менее вероятно, что они пожелают признаваться в своих русских корнях, даже если натолкнутся на это объявление. Наши об этом даже не догадываются. Грустно, но факт!

Грустного оказалось больше, нежели Ольга предполагала. Стереотипы советского образа жизни настолько прочно вошли в ее нутро, что приходилось «выдирать» их оттуда, болезненно переживая меру своей отсталости от темпов развития цивилизации. Ольга долго не могла забыть эпизода, когда она впервые неслась со своей тяжелой сумкой на шпильках по аэропорту имени Кеннеди в Нью-Йорке в поисках своего терминала (21-го по счету!). Выдохлась настолько, что решила плюнуть на этот самолет и лететь очередным рейсом. Остановилась перевести дух, поставила сумку на пол и только потом заметила бегущую вдоль длинного терминального коридора дорожку, которая совершенно спокойно и без проблем доставляет пассажиров к нужному терминалу. Ольге тогда показалось, что все, кто сейчас стоял на этой движущейся дорожке, смотрели на нее как на чокнутую. Наверно, сделали вывод, что она спортсменка, иначе объяснить этот ее добровольный забег на столь длительную дистанцию было нельзя.

Или ее первая совершенно неадекватная реакция на вопрос о наличии кредитной карточки. На помощь тогда пришла дочь, которая, как всякий молодой, оказалась куда более продвинутой. Случилось это в огромном супермаркете, куда они с Анной зашли для покупки осенних курток. При оплате кассирша уточнила:

– **Карточка? Наличные?**

– **Конечно, наличные!** – с уверенностью ответила тогда Ольга. И, выйдя из магазина, поинтересовалась у Анны:

– **Я что, выгляжу слишком несостоятельной, что она сомневается в наличии денег у меня?**

– **Мать, ну ты даешь. Как раз наоборот! Она удивлена, что такая дама респектабельная не имеет кредитной карточки, а, как нищая, деньги в карманах таскает! Может, насобирала у паперти и пришла за курткой. Наличие карточки – это счет в банке, финансовый респект, так сказать. Ну, ты мазер, точно с Урала! Ничего в финансовом мире не петишь. Социолог, одним словом. Что тут скажешь?**

И уж точно никто из них тогда не предполагал, что жизнь-таки «сведет» Ольгу с финансовой системой США. Случилось это на четвертом году пребывания. Ольга зашла в банк для уточнения некоторых финансовых вопросов, связанных с пересылкой определенной суммы своим в Минск. Сделать это в начале 90-х было нелегко. Финансовые операции с Россией только начинались. И, заметив некоторые неточности в переводе отдельных пунктов обязательной формы, необходимой для заполнения, Ольга откорректировала содержание, обратив внимание служащих, что по-русски так не говорят. Служащие поблагодарили, и прецедент был исчерпан.

Каково же было удивление Ольги, когда через пару дней ей позвонил управляющий банка и попросил зайти для обсуждения перспектив сотрудничества. Ольга от растерянности даже не поняла, о чем он? Подумала, что с переводом получилась какая-то лажа. Что, наверно, до Минска деньги не дошли. А врубившись, наконец, что ей предлагают работу в банке, поняла, что дождалась своего часа. Это было первое приличное предложение за практически четырехлетнее проживание в Штатах. В Ольгины обязанности входила проверка переведенных текстов финансовых документов, опосредующих бизнес-операции между Россией и Штатами. Надо признать, что их поток к середине 90-х становился все более масштабным. Ольге светила не только гарантированная заработная плата, но и возможность через определенный временной интервал получения банковского кредита для покупки собственного дома! Эта перспектива не могла не радовать, прежде всего потому, что именно с наличием собственного дома ассоциировался статус настоящей американки!

Но все это ожидало Ольгу впереди. А сегодня она перебивалась незначительными заработками случайно «схваченного» рабочего места. Сначала пристроилась домработницей к одной из наших соотечественниц. Софья Зибель из Одессы проживала в США уже более двадцати лет и к моменту знакомства с Ольгой олицетворяла вполне успешно пристроившуюся за рубежом даму. Ольга даже радовалась тому обстоятельству, что работодатель оказался из числа «своих». Это все же давало очевидные преимущества: и понять друг друга легче, и поговорить по-русски реально, а возможно, – и по душам. Опять же, наверняка, поделится опытом, подскажет, что к чему, даст совет. И хотя Софья была из торговшей, все же Ольга очень рассчитывала на взаимопонимание, как ей казалось, основанное на духовной солидарности двух иммигранток. «Отрезвление» не заставило себя долго ждать.

Однажды Софья вернулась с работы несколько раньше и застала Ольгу за работой. Поравнявшись с усердствующей над паркетом Ольгой, Софья раздраженно заметила:

– **Милочка! От вас потом разит за версту. Ну, нельзя же так, в самом деле, вся квартира пропахла! Вы же, кажется, ученой дамой там у них числились?** Софья сказала это с таким чувством нескрываемого превосходства, согласиться с которым Ольга не могла ни при каких обстоятельствах. **«Это конец! – мелькнуло в сознании. – Даже если это последние деньги в моей жизни! Простить такое унижение? Кому? Торговке? Никогда!»**

Едва сдерживая накатывающиеся слезы, Ольга медленно сняла перчатки, умылась, оделась и, не попрощавшись, вышла. Только на улице, благо уже вечерело, она дала волю эмоциям. Дома она никому ничего не сказала, объяснив впоследствии домочадцам, что работа была краткосрочной до возвращения из отпуска постоянной домработницы. Когда же через пару дней позвонила сама

Софья, Ольга не стала вуалировать своей неприязни и решительно отказалась от работы.

– Боже! Какие мы гордые! – пролепетала на полутонах Софья. – **Ты думаешь, здесь кому-то нужна твоя ученая степень? Какой наив! Здесь главное – деньги, милочка! И умение их заработать. Засунь свой социалистический маразм в ж..! Иначе совсем пропадешь, ученая ты моя!**

ВАЛЕРИЯ

К моменту прочтения своего доклада Валерия знала его наизусть. Это позволило ей отрываться от текста, делая основной акцент на артистической артикуляции смысловых нюансов с соответствующими интонациями. Драматизм последствий Чернобыльской катастрофы, которым была озабочена отечественная социология на протяжении последних лет, был передан Леркой с таким искренним чувством трагизма, что аудитория готова была разрыдаться от сопереживания. Бросив взгляд на присутствующих, Валерия невольно встретилась глазами с сидевшим напротив нее Добровым. В его взгляде было все – удивление, гордость, восхищение! Это придало Валерии уверенность. Сомнений не было: предложенная ею форма подачи материала не оставляет никого равнодушным. Дальше – больше. Она перешла к анализу социально-политической ситуации в стране и ее отражению на уровне социологического познания. Драматизм ситуации становился еще более очевидным. Заявленная правящей политической элитой перестройка в СССР, несмотря на оптимистичность перспектив, становилась все более непредсказуемой. Кризис, охватывающий все сферы жизнедеятельности советского государства, приближал его к очевидной катастрофе, отодвинувшей на задний план последствия Чернобыля. Социология, сфокусированная на закономерностях массового сознания, отражала в цифрах растущую озабоченность народа судьбой страны и неуверенность в завтрашнем дне. Завершив свой обзор остросюжетных тематических направлений в отечественной социологии, Валерия осталась довольна собой вполне.

«Что их качественная методика? С ее единичными вариациями смыслов? Все это от жизни хорошей. Разве может она сравниться с масштабами проблем отечественной социологии, которая, как в эпицентре атомного взрыва, от завалов экологической катастрофы шарахается к завалам надвигающейся катастрофы политической, экономической, социальной! И за всем этим стоят массы людей, судеб, трагедий, проблем. Тут успеть бы количественно “уловить” масштабы. А смыслы наши очевидны, они на поверхности – разрушить все до оснований! А затем?..» Впрочем, ответить на этот вопрос однозначно Лерка еще не могла, наивно полагая, что отечественная политическая элита знает, что делает.

В аудитории воцарилась тишина. Обозначенный Леркой водораздел между «нашей» и «вашей» социологией стал настолько осязаем, что немая сцена, подобно гоголевскому «Ревизору», казалось, станет заключительной в этом раунде.

И тут двери аудитории резко открылись, в зал буквально влетел Кшиштоф Вышинский – молодой представитель польской социологии. У него было такое выражение лица, словно новость, которую он намеревается сообщить, принадлежит к разряду мировых сенсаций. У Лерки мелькнула мысль: **«Господа! Конец света, о котором говорят уже не первый год, наступает через 10 минут!»** Странно, но эта мысль не испугала, напротив, развеселила Валерию. Она даже успела произнести ее вслух, повеселив заодно окружающих. Вышинский посмотрел рассеянно на Валерию и, согнувшись, прошептал что-то Тауберу на ухо. Профессор с минуту о чем-то думал, а потом произнес:

– Ну, вот, Валери, Вы совершенно правы в своих выводах. Катастрофа в вашей стране не заставила себя долго ждать. «Евроньюз» только что передал – в СССР политический переворот! КПСС берет реванш!

Все присутствующие обратили свои взоры на Доброва. Тот побледнел и, понимая, что от него хотят услышать мнение, не совсем уверенно произнес:

– Если это правда, то сегодняшний день войдет в историю как черный день календаря! Последние слова «черный день календаря» он повторил три раза, на польском, немецком и английском.

На этом, собственно, заседание завершилось, так как все кинулись в холл к телевизору. Далее последовало то, что вошло в историю как ГКЧП, точнее, его восприятие западной публикой за той стороной железного занавеса, заявившего о себе как реальность.

Валерия прильнула к экрану ненадолго. Удостоверившись, что все это правда, она окликнула Наталью и вместе с ней удалилась в свой номер.

– Ну, что, подруга, давай отметим очередную революцию! Тащи нашу водку, вон там в тумбочке. Она тут никому не нужна. Они, кроме своего виски, ничего не признают. Валерия глотнула отечественного продукта и продолжила:

– Теперь, может, и домой не пустят, границу на замок закроют... Что делать-то будем? Во вляпались! Это ж надо, как совпало! Первый раз за кордон и сразу ГКЧП! Ты что молчишь?

– Ты хорошо выступала, – почему-то на английском продолжила Наталья. В английском нет этих нюансов ты-вы. И Валерия ощутила гармоничность такого обращения, несмотря на практически двадцатилетнюю разницу в их возрасте.

– Послушай, давай, действительно, на ты. Не люблю я это наше выканье! Тем более, что я не твой препод. Выкайся там на кафедре. Идет?

– Тогда на брудершафт!

Валерия так и не услышала реакции Натальи на революционные события в родной стране, так как в дверь постучали. На пороге стояли Таубер и Добров. Оба были озабочены разворачивающимися в Москве событиями. Выразив сожаление, Таубер сразу приступил к делу:

– Я уверен, что западные посольства здесь, в Варшаве, будут предлагать оперативное оформление виз советским гражданам. Эта ситуация, как нельзя лучше, способствует благосклонному расположению к советским со стороны западного мира. Может, попробуете?

– Зачем? – удивилась Валерия.

– Разве не понятно? Вы же не знаете, какая реакция последует там, у вас, в отношении тех, кто имел зарубежные контакты? История показала вполне однозначное развитие событий. Не думаю, что вам стоит рисковать.

– Вы имеете в виду, что посадят? Или расстреляют? – Лерка посмотрела растерянно на Доброва. Но Добров молчал!

– Кто знает? – ответил Таубер.

– Черт с ними, пусть расстреливают. На миру и смерть красна! Зато в историю войдем! Представляете? Социолог Валерия Волошина арестована и подвергнута смертной казни ввиду тесного сотрудничества с представителями западной социологии! Представляю, как обрадуются недруги! А какая слава! На весь БГУ! Нет, в этом определенно что-то есть! Я всегда восхищалась судьбой Жанны Д'Арк. – Лерка произнесла этот монолог пафосно и с нескрываемой иронией.

– А о родных подумали? Ведь у вас, кажется, двое детей?

– Тем более, я не имею права их бросить!

Тут в разговор встряла Наташка:

– Существует конвенция на воссоединение семьи. Не помню, как это точно формулируется.

– Наташка, а ты что, решила свалить? – спросила в лоб Валерия.

– А я никогда этого не скрывала. Тем более, обстоятельства складываются в нашу пользу. Почему нет? Меня ничто не держит. Только вот, куда? Не в Польше же оставаться?

– Да, уж если сваливать, то куда-нибудь радикально, в Канаду, например, или сразу в Штаты?! – с иронией заметила Валерия.

– Лучше в Канаду, там нет комплекса иммигранта, – со знанием дела парировала Наталья.

Двери открылись, и в комнату ввалилась польская команда в полном составе. Таубер и Добров вышли, предварительно напомнив о том, что за ужином будет представление прибывшего американского социолога. Кшиштоф Вышинский с порога сообщил новости:

– По польскому радио сейчас объявили, что канадское посольство в Варшаве оперативно предоставило визы десяти советским гражданам, обратившимся к ним за последние сутки. Так что надо действовать, а то потом раздумают.

Валерия бросила многозначительный взгляд на Наталью, подумав про себя: **«Сбылась мечта и, к сожалению, не идиота!»** Наталья резко встала и вышла из комнаты. **«Побежала к Доброву советоваться»**, – мелькнуло у Лерки. Поляки шумели, обсуждая московские события, делали прогнозы, в том числе и о судьбе Польши. Валерия по русской традиции разлила по стопкам отечественную водку и предложила всем выпить. Народ повеселел.

Но все это сейчас уплывало на периферию ее сознания. **«Почему молчит Добров? – мучил Лерку вопрос. – Не может справиться с шоком? Бойтся чего-то? Понимает больше других? Опыт жизни большой, партизанил, входил в номенклатуру ЦК КПБ, занимал солидные должности в Академии наук, затем в университете, возглавлял обществоведческую кафедру. Чего ему бояться, если что? Может, все это меркнет под фактом зарубежных связей последних лет? Неужели это возможно? Всю жизнь верой и правдой служить советской власти и не иметь гарантий своей благонадежности? А может быть правда без веры? Может! Это когда обстоятельства зажимают в такой степени, что ты вынужден им служить вполне искренне, но вера вне рамок долженствования. Она либо есть, либо ее нет!»**

На ужин Валерия вышла сознательно в красном. Она любила красный цвет. Прежде всего потому, что он ей просто шел, гармонируя с эпатажностью поведения. Но в этот вечер она вкладывала в красный совсем иной смысл. Как ни крути, красный – цвет ее Родины. Она сознательно раздражала аудиторию, так искренне агитирующую ее поменять вид на жительство перед угрозой вдруг напомнившей о себе советской диктатуры. Заметив Доброва, Валерия, схватив с подноса бокал с коньяком, дала знак, что хочет поговорить.

– Валерия! Ты так красиво на английском говоришь, что я, честно говоря, в шоке. Откуда? Жаль не обсудили доклад.

– Петр Георгиевич, что делать-то будем? С видом на жительство? Видите, как давят. Чего Вы молчите все время?

– А что тут скажешь? Время покажет, как там события развернутся. Посмотрим.

– Да нет, я о Наташке. Она всерьез думает остаться. В Канаду собралась.

– Рихард говорил со мной о вас. Даже спросил, не родственницы ли? Очень, говорит, похожи. Хочет пригласить вас к себе в Германию поработать. Я сразу сказал, что с тобой вопрос закрыт. Нечего обеднять белорусскую социологию. Она нам самим нужна. Хотя можно поехать на стажировку, скажем, на годик? Докторскую подготовишь!? Правда, он настаивает на культурологии. Ты как?

– Никак, Петр Георгиевич! Я завтра еду домой! Вопрос закрыт!

– Чего ты в самое пекло лезешь? У нас же билеты на послезавтра! Может, к этому моменту все уляжется.

– Не знаю, хочу домой, по родителям соскучилась.

– Во дает! Как дите малое. Три дня прошли, а она по маме соскучилась!

– Ладно, со мной все ясно. Что с Натальей делать будем? Уехали втроем, а вернемся вдвоем?

– Ну, с Натальей дело другое. Она молодая, у нее вся жизнь впереди. Что ей даст наш университет? Надо продолжать учиться. Хорошо, если грант какой выбьет. Но я ей посоветовал не спешить идти в нашу аспирантуру, а там, может, и решится что.

Лерка почувствовала на себе пристальный взгляд. Краем глаза уловила Вышинского, разговаривающего с только что прибывшим американцем. Интуитивно поняла, что разговор идет о ней. Но в холле стоял, хотя и приглушенный, но все же гул от разговаривающих между собой людей и звона бокалов.

Разговор между Вышинским и американцем Дэвидом Россом, действительно, касался Валерии.

– **Кто эта дама в красном?** – спросил американец.

– **Социолог из Белоруссии,** – ответил Кшиштоф.

– **Там у них есть социология?** – удивился американец. – **Интересно, представь нас.**

Разговор с Добровым был прерван, хотя Лерка для себя уже все выяснила и потому с облегчением отпустила профессора, повернувшись к подошедшим коллегам. Вышинский, представив их друг другу, быстро ретировался, сославшись на дела. Диалог продолжился на английском.

– **Леди в красном! Это так символично! Особенно сегодня!** – «подколол» Дэвид, обозначив тем самым полную информированность ходом политических баталий в ее стране.

– **Ну, это, как понимать. Каждый понимает в меру своей... ангажированности,** – парировала Лерка, информированная о том, что перестройка, положившая конец холодной войне, открыла нишу для свободного притока американских социологов. Те уже на Красной площади проводят свои экзит-пулы.

– **Намекаете на то, что смысл вашего платья совсем иной? Может, даже романтический, как в нашей песне с аналогичным названием?**

– **Возможно, как знать? Только леди та плохо кончила, насколько я знаю. Так что аналогии не очень оптимистичны,** – парировала она, прекрасно понимая, что Дэвид имеет в виду сюжет популярной песни о несостоявшемся романе морского офицера Штатов с киноактрисой Мэрилин Монро, которая в вечер их случайной встречи была в красном платье. Песня так и называется: «Lady in red»! Лерка, к счастью, не только знала, но и любила эту песню, особенно припев. У американца с лица сразу спала завеса превосходства. А Валерия подумала о том, как хорошо, что их рокировка касалась данного сюжета. О Мэрилин Монро она знала все и могла, так сказать, блеснуть. Сменив апломб на удивление, Дэвид продолжил:

– **Вот, кстати, что касается знания, меня тут польский коллега уверял, что у вас в Беларуси есть социология. Это правда?**

– **Надеюсь! А что, есть сомнения? Впрочем, меня это не удивляет. Американцы всегда искренне поражаются наличию других континентов мира. Видимо, вы из их числа. Не забывайте, что по миру анекдот ходит на эту тему.**

– **Вы мне определенно нравитесь, леди в красном!** – Американец опять натянул на лицо маску апломба. – **У меня есть один проект, социологический, очень хочется испытать вас в деле. Если докажете, что вы, действительно, социологи, – будем работать!**

– **Возможно, не уверена, я, собственно, завтра уезжаю!** – заметив Наташку, Валерия кинулась ей навстречу, показав американцу, что перспектива совместного проекта ее не очень интересует. Уже вдогонку Дэвид уточнил:

– **Не уверены, в ком, в себе?**

– **Нет, в вашем проекте! Бай-бай!** – кокетливо помахала рукой Валерия, абсолютно убежденная в том, что задела американца за живое. – **Теперь проект наш!**

– **Наталья! Идем со мной, хочу собраться. Я завтра уезжаю. Видела американца, что со мной беседовал? Его зовут Дэвид Росс. Предлагает какой-то проект. Сама не подходи, пусть помучается. Думаю, сам будет искать выходы на Беларусь. Возьмешь анкету, получишь инструктаж, будем работать.**

– **А если не подойдет? Что тогда?**

– **Думаю, что подойдет. Ну, а если нет, сделай все возможное, чтобы подошел. Поняла? Будем работать! А то все Канада, Запад! Лови случай!**

– **Ладно, оденусь в красное, если что! А чего ты сваливаешь раньше времени? У нас же билеты на послезавтра?**

– **Не знаю, хочу домой. Там сейчас такие события происходят! Интересно! Хочу быть свидетелем!**

Это была третья ночь без сна. В мозгах прокручивались все события этого сумасшедшего дня. Доклад, американец, перспектива работы в международном проекте, ГКЧП, канадское посольство, проблема вида на жительство, возможность стажировки у Таубера.

По большому счету Лерке было абсолютно наплевать на ГКЧП, на исход развернувшихся событий. Она никогда не состояла в КПСС и по своему природному духу была скорее анархистской, нежели почитательницей какой-либо власти вообще. Но в чем она была абсолютно уверена – это в своей Родине. При слове Родина у Лерки возникали совершенно конкретные чувственные ассоциации: Чукотка и Камчатка, Байкал и Амур, Иркутск и Владивосток, Урал и Сибирь, Одесса и Крым, Калининград и Прибалтика, Ленинград, Москва, Киев, Минск. Будучи дочерью офицера Советской Армии, она была, кажется, везде! И все эти необъятные просторы, не имеющие аналога в мире ни с чем, – это и есть ее Родина – СССР.

Уже ночью в поезде Варшава – Москва, прислонившись к прохладному вагонному стеклу, с приближением очертаний Минска Валерия заплакала.